

## АРТУР ШОПЕНГАУЭР (1788 – 1860)

*А. Шопенгауэр – немецкий философ. Рассматривает мир как волю и представление в их единстве, не поддающемся строгой логизации. Главными проблемами являются проблемы человеческого существования. Основные труды Шопенгауэра: «Мир как воля и представление», «об основании морали», «Афоризмы житейской мудрости».*

### О философии

Философские мысли можно брать только непосредственно у их творцов; поэтому тот, кто чувствует призвание к философии, должен посещать ее бессмертный учитель в безмолвной святине их подлинных творений. (Шопенгауэр А. Собр. соч. в 5т. – М., 1992. Т.1 С. 49.)

Философия имеет ту особенность, что она ничего не предполагает известным, а все для нее в одинаковой степени [с.4] чуждо и составляет проблему, – не только отношения явлений, но и сами явления... Именно то, что составляет предпосылку наук, основу и предел их объяснений, это предстает подлинной проблемой философии, которая, следовательно, начинается там, где кончаются науки. Доказательства не могут быть ее фундаментом, так как они из известных принципов выводят неизвестные; для нее же все одинаково неизвестно и чуждо. Не может быть такого принципа, которому был бы обязан свой существованием мир со всеми своими явлениями... Кроме того, философия – это самое общее знание, и его главные принципы не могут быть поэтому выводами какого-нибудь другого знания, еще более общего... Современная философия допытывается вовсе не того, *откуда* или *для чего* существует мир, а только того, *что он есть такое*. Правда, можно было бы сказать: *что такое мир*, это каждый познает без посторонней помощи, ибо он сам есть субъект познания, а мир – есть его представление, и это утверждение было бы справедливо. Однако такое познание наглядно, это познание *in concreto*; задача философии воспроизвести его *in abstracto*, обратить последовательное, изменчивое созерцание, вообще все то, что заключается в широком понятии чувства и определяется им лишь отрицательно, как смутное, неабстрактное знание, – обратить и возвысить до именно такого, неизменного знания. Философия должна поэтому выражать *in abstracto* сущность всего мира как в его целом, так и во всех его частях... С помощью тех понятий, в которых она фиксирует [с.5] сущность мира, должно наряду со всеобщим познаваться и совершенно единичное, и познание обоих должно быть связано самым точным образом. Поэтому способность к философии и состоит именно в том, в чем полагал ее Платон, в познании единого во многом и многого в едином. (Там же. С.119.)

Философия, таким образом, является суммой очень общих суждений, основой познания которых служит непосредственно самый мир во всей своей целостности, без какого либо исключения, то есть все, что существует в человеческом сознании; философия является *совершенным повторением*, как бы *отражением мира в абстрактных понятиях*, которое возможно только посредством объединения существенно тождественного в одно понятие и выделение различного в другое понятие. (Там же. С. 119-120.)

### О Канте, Гегеле, Фихте и Шеллинге

...*Кант* великий учитель человечества, который один только наряду с Гете составляет справедливую гордость немецкой нации; я отстаиваю его право на то, что бесспорно принадлежит ему одному... (Там же. С. 109.)

Так называемая философия этого *Гегеля* – колоссальная мистификация, которая и у наших потомков будет служить неисчерпаемым материалом для насмешек над нашим временем: ...это псевдофилософия, расслабляющая все умственные способности, заглушающая всякое подлинное мышление и [с.6] ставящая на его место с помощью беззаконнейшего злоупотребления словами пустейшую, бессмысленнейшую и потому, как показывают результаты, умопомрачительнейшую словесную чепуху; она ничем не доказывается и сама ничего не доказывает и ничего не объясняет, ...является простой пародией на схоластический реализм и одновременно на спинозизм... (Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М., 1992. С. 29.)

Что касается *Фихте*, ...я все-таки поставил его, как «человека с талантом», гораздо выше *Гегеля* Только над этим последним я без комментариев произнес мое безусловное осуждение в самых решительных выражения. (Там же. С.28.)

Признание строгой необходимости человеческих поступков – это пограничная линия, отделяющая философские умы от других; и, придя к ней, *Фихте* ...говорит вещи, стоящие в прямом противоречии с вышеприведенными местами, это доказывает, как и множество других противоречий в его сочинениях, что он совсем не имел твердого основного убеждения как человек, никогда серьезно не относившийся к исследованию истины... (Там же. С. 187.)

...Я должен в угоду истине и *Канту* выставить против *Шеллинга* тот упрек, что, излагая ...одно из важнейших и достойных наибольшего удивления, даже, по моему мнению, глубокомысленнейшее из всех кантовских учений, он не высказывается ясно, что эти его рассуждения принадлежат *Канту*, напротив, он выражается так, что большинство читателей [с.7] ... должны подумать, будто здесь перед ними собственные мысли *Шеллинга*. (Там же. С. 108-109.)

Мой собственный ряд мыслей при всем его отличии от кантовского всецело стоит под его влиянием, непременно им обуславливается и из него вытекает, и я признаю, что лучшим в моем собственном развитии я обязан, после

впечатлений наглядного мира, творениям Канта, равно как священному писанию индусов и Платону. (Антология мировой философии. В 4-х т. Т.3. — М., 1971. С. 675.)

## О мире

### *Мир как представление*

Нет истины более несомненной, более независимой от всех других, менее нуждающейся в доказательстве, чем та, что все существующее для познания, т.е. весь этот мир, является только объектом по отношению к субъекту, воззрением для взирающего — короче говоря, *представлением*. Естественно, это относится и к настоящему, и ко всякому прошлому, и ко всякому будущему, относится и к самому отдаленному, и к близкому: ибо это распространяется на самое время и пространство, в которых только и находятся все такие различия. Все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно обречено этой обусловленности субъектом и существует только для субъекта. *Мир — представление*. (Антология мировой философии. В 4-х т. Т.3. — М., 1971. С. 676.)

«*Мир есть мое представление*»: вот истина, которая имеет силу для каждого животного и познающего существа, хоть [с.8] только человек может возводить ее до рефлексивно-абстрактного сознания; и если он действительно это делает, то у него зарождается философский взгляд на вещи. Для него становится тогда ясным и несомненным, что он не знает ни солнца, ни земли, а знает только глаз, который видит солнце, руку, которая осязает землю; что окружающий мир существует лишь как представление, т.е. исключительно по отношению к другому, к представляющему, каковым является сам человек... Итак, нет истины более несомненной, более независимой от всех других, менее нуждающихся в доказательстве, чем та, что все существующее для познания, т.е. весь этот мир, является только объектом по отношению к субъекту, созерцанием для созерцающего, короче говоря, представлением. Естественно, это относится и к настоящему, и ко всякому прошлому, и ко всякому будущему, относится и к самому отдаленному, и к близкому: ибо это распространяется на самое время и пространство, в которых только и находятся эти различия. Все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно отмечено печатью этой обусловленности субъектом и существует только для субъекта. Мир есть представление. (Шопенгауэр А. Собр. соч. в 5 т. — М., 1992. Т.1. С. 54.)

То, что все познает и никем не познается, это — *субъект*. Он, следовательно, носитель мира, общее и всегда предполагаемое условие всех явлений, всякого объекта: ибо только для субъекта существует все, что существует. (Там же. С. 55.) [с.9]

### *О причинности*

Всякое *воззрение* не просто сенсуально, а интеллектуально, т.е. является чистым *рассудочным познанием причин из действия* и, следовательно, предполагает закон причинности, от познания которого зависит всякое воззрение и потому всякий опыт в своей первоначальной и всей возможности, а вовсе не наоборот, т.е. познание *причинного закона* не зависит от опыта, как утверждал скептицизм Юма, опровергаемый только этими соображениями. (Антология мировой философии. В 4-х т. Т.3. — М., 1971. С. 677.)

Внешний мир в пространстве и времени, проявляющий себя как чистую причинность, совершенно реален; и он есть, безусловно, то, за что он себя выдает, а выдает он себя всецело и без остатка за представление, связанное по закону причинности. В этом его эмпирическая реальность. Но с другой стороны, всякая причинность существует только в рассудке и для рассудка, и, следовательно, весь этот действительный, т.е. действующий, мир, как таковой, всегда обусловлен рассудком и без него — ничто...

Мир как представление не единственная, а только одна, как бы внешняя сторона мира, который имеет еще и совсем другую сторону: она представляет собой его внутреннее существо, его звено, вещь в себе; ее мы и рассмотрим <...>, назвав ее по самой непосредственной из ее объективаций *волей*. (Там же. С. 678-679.)

Не только в явлениях, вполне сходных с его собственным, [с.10] в людях и животных, признает он (человек) в качестве их внутренней сущности ту же волю, но дальнейшее размышление приведет его и к тому, что и ту силу, которая движет и живит растение, и ту силу, которая образует кристалл, и ту, которая направляет магнит к северу, и ту, которая встречает его ударом при соприкосновении разнородных металлов, и ту, которая в средстве материальных веществ проявляется как отталкивание и притяжение, разделение и соединение, и, наконец, как тяготение, столь могуче-стремительное во всей материи, влекущее камень к земле и землю к солнцу, — все это признает он различным лишь в явлении, а в своей внутренней сущности тождественным с тем самым, что ему непосредственно известно так интимно и лучше всего другого и что в наиболее ясном своем обнаружении называется *волей*. Только в силу этого размышления мы и не останавливаемся дольше на явлении, а переходим к *вещи в себе*. Явление значит представление, и больше ничего: всякое представление, какого бы рода оно ни было, всякий объект — *явление*. **Но вещь в себе — это только воля**, которая, как таковая, вовсе не представление, а нечто от него отличное: она то, чего проявлением, видимостью, *объектностью* служит всякое представление, всякий объект. Она — самая сердцевина, самое зерно всего частного, как и целого; она проявляется в каждой слепо действующей силе природы, но она же проявляется и в обдуманной деятельности человека: великое различие между первой и последней касается только степени проявления, но не сущности [с.11] того, что проявляется. (Там же. С. 685.)

То от чего мы здесь абстрагируемся, — позднее это, вероятно, станет несомненным для всех, — есть всегда только *воля*, которая одна составляет другую грань мира, ибо последний, с одной стороны, всецело есть *представле-*

ние, а с другой стороны, всецело есть *воля*. (Шопенгауэр А. Собр. соч. в 5 т. – М., 1992. Т.1. С. 55.)

### *Мир как воля*

...*Воля* как вещь в себе лежит вне сферы закона основания во всех его видах, и она поэтому совершенно безосновна, хотя каждое из ее проявлений непременно подчинено закону основания. Далее, она свободна от *множественности*, хотя проявления ее во времени и пространстве бесчисленны; она сама едина, но не так, как один объект, единство которого познается лишь из контраста возможной множественности, не так, как единое понятие, которое возникнет лишь через абстрагирование от множества; нет, *воля* едина как то, что лежит вне времени и пространства, вне принципа индивидуации, т.е. возможности множественного. Только когда все это станет совершенно ясным для нас из дальнейшего обзора проявлений и различных манифестаций воли, лишь тогда мы вполне поймем смысл кантовского учения, что время, пространство и причинность не принадлежат вещи в себе, а представляют собой только формы познания. (Там же. С. 142.)

*Воля* сама по себе *бессознательна и представляет собой лишь слепой, неудержимый порыв*, – такой она проявляется [с.12] еще в неорганической и растительной природе и ее законах, как в растительной части нашей собственной жизни. Но благодаря привходящему, развернутому для служения миру представлению, она получает познание своего желания и того, что составляет предмет последнего: оказывается, он есть не что иное, как этот мир, жизнь, именно такая, какова она есть... Так как *воля* – это вещь в себе, внутреннее содержание, существо мира, а жизнь, видимый мир, явление – только зеркало воли, то мир так же неразлучно должен сопровождать волю, как тень – свое тело; и если есть *воля*, то будет и жизнь, мир. (Там же. С. 269.)

*Воля* как вещь сама по себе вполне отлична от своего явления и вполне свободна от всех его форм, в которые она входит только при появлении и которые, следовательно, касаются только ее объективации, а ей самой чужды. Даже самая общая форма всякого представления – объекта для субъекта – ее не касается. (Шопенгауэр А. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 46.)

Ошибка всех философов заключалась в том, что метафизическое, неразрушимое, вечное в человеке они полагали в интеллекте, между тем как на самом деле оно лежит исключительно в *воле*, которая от первого совершенно отлична и только одна первоначальна. (Там же. С. 131.)

Итак, эти соображения подтверждают для нас то, 1) что *воля* к жизни – сокровеннейшая суть человека; 2) что она сама по себе бессознательна, слепа; 3) что познание – это [с.13] первоначально чуждый ей, дополнительный принцип; 4) что *воля* с этим познанием враждует и наше суждение одобряет победу знания над волей. (Там же. С. 94.)

### **Пессимизм**

Из борьбы низших явлений исходит... высшее, всех их поглощающее, но и осуществляющее в высшем размере все их стремления. (Там же. С. 61.)

Эту борьбу можно проследить через всю природу, которая даже ею только и держится. <...> Так как эта борьба указывает на свойственное воле раздвоение в самой себе. Высшей наглядности достигает эта всеобщая борьба в мире животных, который питается растениями и в котором в свою очередь всякое животное становится добычей и пищей другого, т.е. должно уступить материю, в которой выражалась его идея, для выражения другой, так как каждое животное может поддерживать свое существование только постоянным уничтожением других; так что *воля* (желание) жизни всюду самоядно и под различными формами служит себе же пищей, и, наконец, род человеческий, покоряющий все остальные, видит в природе фабрику для своего употребления, и тем не менее он же, как это мы увидим в четвертой книге, проявляет в себе самом эту борьбу, это раздвоение воли, с ужасающей очевидностью, и становится «человек человеку волк». (Там же. С. 63.)

И этот мир, эту сутолоку измученных и истерзанных [с.14] существ, которые живут только тем, что пожирают друг друга; этот мир, где всякое хищное животное представляет живую могилу тысячи других и поддерживает свое существование целым рядом чужих мученических смертей; этот мир, где вместе с познанием возрастает и способность чувствовать горе, способность, которая поэтому в человеке достигает своей высшей степени, и тем высшей, чем он интеллигентнее, этот мир хотели приспособить к лейбницевской системе оптимизма и демонстрировать его как лучший из возможных миров. Нелепость вопиющая! (Там же. С. 81.)

Явно софистическим доказательством Лейбница, будто этот мир – лучший из возможных миров, можно вполне серьезно и добросовестно противопоставить доказательство, что этот мир – худший из возможных миров. Ибо «возможное» – это не то, что вздумается кому-нибудь нарисовать себе в своей фантазии, а то, что действительно может

существовать и держаться. И вот наш мир устроен именно так, как его надо было устроить для того, чтобы он мог еле-еле держаться; если бы он был еще несколько хуже, он бы совсем уже не мог существовать. Следовательно, мир, который был бы хуже нашего, совсем невозможен, потому что он не мог бы и существовать, и значит, наш мир – худший из возможных миров. (Там же. С. 84.)

*Эгоизм* заключается, собственно, в том, что человек ограничивает всю реальность своей собственной личностью, полагая, что он существует только в ней, а не в других [с.15] личностях. Смерть открывает ему глаза, уничтожая его личность: впредь сущность человека, которую представляет собою его воля, будет пребывать только в других индивидуумах; интеллект же его, который относился лишь к явлению, т.е. к миру как представлению, и был не более как формой внешнего мира, будет и продолжать свое существование тоже в представлении, т.е. в *объективном* бытии вещей, как таковом, – следовательно, только в бытии внешнего мира, который существовал и до сих пор. Таким образом, с момента смерти все человеческое *я* живет лишь в том, что оно до сих пор считало *не-я*, ибо различие между внешним и внутренним отныне исчезает. Мы припоминаем здесь, что лучший человек – тот, кто делает наименьшую разницу между собой и другими, не видит в них абсолютного *не-я*, – между тем как для дурного человека эта разница велика, даже огромна. (Шопенгауэр А. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1997. С.146.)

В сознании, поднявшемся на самую высокую ступень, в сознании человеческом, эгоизм, как и познание, страдание, удовольствие, должен был тоже достигнуть высшей степени, и обусловленное им соперничество индивидуумов проявляется самым ужасным образом. Мы видим его повсюду, как в мелочах, так и в крупном; мы видим его и в страшных событиях жизни великих тиранов и злодеев и в опустошительных войнах; мы видим его и в смешной форме – там, где оно служит сюжетом комедии и очень своеобразно отражается в самолюбии и суетности. (Антология мировой философии. В 4-х т. Т.3. — М., 1971. С. 699.) [с.16]

*Оптимизм*, – это в сущности незаконное самовосхваление истинного родоначальника мира, т.е. воли к жизни, которая самодовольно любит себя в своем творении; и вот почему оптимизм – не только ложное, но и пагубное учение. В самом деле: он изображает перед нами жизнь как некое желанное состояние, целью которого является будто бы счастье человека. Исходя отсюда, каждый думает, что он имеет законнейшее право на счастье и наслаждение; и если, как это обыкновенно бывает, последние не выпадают на его долю, то он считает себя несправедливо обиженным и не достигшим цели своего бытия; между тем гораздо правильнее было бы видеть цель нашей жизни в труде, лишениях, нужде и скорбях, венчаемых смертью (как это и делают брахманизм и буддизм, а также и подлинное христианство), потому что именно эти невзгоды вызывают у нас отрицание воли к жизни. (Шопенгауэр А. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 86.)

*Оптимизм, если только он не бессмысленное словоизвержение таких людей, за плоскими лбами которых не обитает ничего, кроме слов, представляется мне не только нелепым, но и поистине бессовестным воззрением, горькой насмешкой над невыразимыми страданиями человечества.* (Антология мировой философии. В 4-х т. Т.3. — М., 1971. С. 698.)

Поистине, если наша жизнь имеет такой странный и двусмысленный характер, то это потому, что в ней постоянно [с.17] перекрещиваются два диаметрально противоположные основные стремления: это, во-первых, стремление индивидуальной воли, направленное к химерическому счастью в эфемерной, призрачной, обманчивой жизни...; это, во-вторых, стремление судьбы, достаточно явно направленное к разрушению нашего счастья, а через это и к умерщвлению нашей воли и освобождению ее от той иллюзии, которая держит нас в оковах этого мира. (Шопенгауэр А. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1997. С. 211.)

Таким образом, могучая привязанность к жизни, о которой мы говорили, неразумна и слепа; она объясняется только тем, что все наше внутреннее существо уже само по себе есть воля к жизни и жизнь поэтому должна казаться нам высшим благом, как она ни горестна, кратковременна и ненадежна; объясняется эта привязанность еще и тем, что эта воля сама по себе и в своем изначальном виде, бессознательна и слепа. Что касается познания, то оно ни только не служит источником этой привязанности к жизни, но даже, наоборот, раскрывает перед нами ничтожество последней и этим побеждает страх смерти. Когда оно, познание, берет верх и человек спокойно и мужественно идет навстречу смерти, то это прославляют как великий и благородный подвиг: мы празднуем тогда славное торжество познания над слепой волей к жизни, волей, которая составляет все-таки ядро нашего собственного существа. (Там же. С. 94.)

Обыкновенно судьба радикальным образом пресекает [с.18] человеку путь к главной точке, к которой тяготеют все его желания и стремления, и жизнь его получает тогда характер трагический, который может освободить его от жажды бытия, воплощаемой в каждом индивидуальном существовании, и привести его к тому, чтобы он расстался с жизнью и в разлуке не испытал тоски по ней и по ее радостям. Страдание – это поистине тот очистительный процесс, который один в большинстве случаев освящает человека, т.е. отклоняет его от ложного пути воления жизни. (Там же. С. 207.)

## О человеческой жизни

...Хотя каждый отдельный поступок, при условии определенного характера, необходимо следует из данного мотива и хотя рост, процесс питания и вся совокупность изменений животного тела совершаются по необходимости действующим причинам (раздражениям), тем не менее весь ряд поступков, следовательно, и каждый в отдельности, а также

их условие, самое тело, которое их исполняет, следовательно, и процесс, посредством которого оно существует и в котором оно состоит, – и все этого не что иное, как проявление воли, обнаружение, *объектность воли*. На этом основывается полное соответствие человеческого и животного организма к человеческой и животной воле вообще: оно похоже (хотя и значительно выше) на то соответствие, в котором специально изготовленное орудие находится к воле изготовившего; оно поэтому является целесообразностью, т.е. телеологической [с.19] объяснимостью тела. (Антология мировой философии. В 4-х т. Т.3. — М., 1971. С. 684.)

Жизнь большинства людей – это лишь постоянная борьба за самое это существование, и они заранее уверены, что выйдут из нее побежденными. И то, что заставляет их упорствовать в этой трудной битве, есть не столько любовь к жизни, сколько страх смерти, которая, однако, неотвратимо стоит за кулисами и каждое мгновение может войти. Сама жизнь – это море, полное водоворотов и подводных камней, которых человек избегает с величайшей осторожностью и усердием, хотя он и знает, что если ему даже удастся, при всем напряжении и искусстве, пробиться через них, то это с каждым шагом приближает его к величайшему, полному, неизбежному, и непоправимому кораблекрушению – смерти; он знает, что прямо к ней держит он свой путь, что она и есть конечная цель томительного плавания и страшнее для него, чем все утесы, которые он миновал. (Шопенгауэр А. Собр. соч. в 5 т. Т.1. С. 299.)

Каждый индивид, каждый человеческий лик и жизненный путь – лишь еще одно быстротечное сновидение бесконечного духа природы, вечной воли к жизни, лишь еще один мимолетный образ, который дух, играя, рисует на своем бесконечном свитке – пространстве и времени, сохраняя его нетронутым исчезающе малый миг, а затем стирая, чтобы дать место новым образам...

Жизнь каждого отдельного лица, взятая в общем и целом, в ее самых существенных очертаниях, всегда представляет [с.20] собой трагедию; но в своих деталях она имеет характер комедии. (Там же. С. 306-307.)

Объективная часть наличной действительности находится в руках судьбы и потому изменчива; субъективная же это – мы сами, и потому в своих существенных чертах она неизменна... для счастья нашей жизни и самое существенное условие – то, что мы есть, наша личность; и это уже потому, что она действует всегда и при всех обстоятельствах... человек гораздо менее подлежит воздействию извне, чем обычно думают. (Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М. 1992. С. 264-265.)

По сравнению с истинными личными достоинствами – обширным умом или великим сердцем – все преимущества, доставляемые положением, рождением, хотя бы царственным, богатством и т. п. оказываются тем же, чем оказывается театральный король по сравнению с настоящим. <...> Действительно, вполне бесспорно, что для *блага* индивидуума, даже больше – для его бытия, самым существенным является то, что *в нем самом заключается* и имеет постоянное или преходящее значение. Только этим и обуславливается его чувство удовлетворения или неудовольствия, являющееся ближайшим образом результатом ощущений, желаний и мыслей; все, лежащее вне этой области, имеет лишь косвенное влияние на человека. Потому-то одни и те же внешние события влияют на каждого совершенно различно; находясь в одинаковых обстоятельствах, люди все же живут *в разных* [с.21] *мирах*. Непосредственно человек имеет дело лишь *со своими собственными представлениями, ощущениями и движениями воли*; явления внешнего мира влияют на него лишь постольку, поскольку ими вызываются явления во внутреннем мире. Мир, в котором живет человек, зависит прежде всего от того, как его данный человек понимает, а следовательно, от свойств его психики: сообразно с последним мир оказывается то бедным, скучным и пошлым, то наоборот, богатым, полным интереса и величия. ...Одно и то же происшествие, представляющееся умному человеку глубоко интересным, превратилось бы, будучи воспринято пустынским пошляком, в скучнейшую сцену из плоской обыденщины. <...>

Происходит это оттого, что действительность, т.е. всякий осуществившийся факт, состоит из двух половин: из *субъективной* и *объективной*, столь же необходимо и тесно связанных между собою, как водород и кислород в воде. При тождественных объективных и разных субъективных данных или наоборот, получаются две глубоко различные действительности: превосходящие объективные данные при тупой, скверной субъективной половине создадут в результате очень плохую действительность, подобно красивой местности, наблюдаемой в дурную погоду или через скверное стекло. Проще говоря, человек так же не может вылезти из своего сознания, как из своей шкуры, и непосредственно живет только в нем; потому-то так трудно помочь ему извне. (Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. — СПб., 1997. С. 10-11.) [с.22]

Так как все существующее и происходящее существует и происходит непосредственно лишь в *сознании* человека, то, очевидно, свойства этого сознания существеннее всего и играют более важную роль, чем отражающиеся в нем образы. <...> Никто не может сбросить с себя свою индивидуальность. <...> Особенно прочно, притом навсегда, *духовные силы* человека определяют способность к возвышенным наслаждениям. Раз эти силы ограничены, то все внешние усилия, все, что сделают для человека его ближние и удача, – все это не сможет возвысить человека над свойственным ему полуживотным счастьем и довольством; на его долю останутся чувственные удовольствия, тихая и уютная семейная жизнь, скверное общество и вульгарные развлечения. Даже образование может лишь очень мало содействовать расширению круга его наслаждений; ведь высшие, самые богатые по разнообразию, и наиболее привлекательные наслаждения – суть *духовные*, как бы мы в юности ни ошибались на этот счет; а такие наслаждения обусловлены прежде всего нашими *духовными силами*. <...> При внутреннем богатстве человек не станет многого требовать от судьбы. <...> ...Субъективная сторона несравненно важнее для нашего счастья и довольства, чем объективное... <...> Спокойный, веселый темперамент, являющийся следствием хорошего здоровья и сильного организма, ясный, живой, проницатель-

ный и правильно мыслящий ум, сдержанная воля и с тем вместе чистая совесть – вот блага, которых заменить не смогут никакие чины и сокровища. (Там же. С.12-13.) [с.23]

Человек с *богатым внутренним миром* и в одиночестве найдет отличное развлечение в своих мыслях и воображении, тогда как даже непрерывная смена собеседников, спектаклей, поездок и увеселений не оградит тупицу от терзающей его скуки. Человек с хорошим, ровным, сдержанным характером даже в тяжелых условиях может чувствовать себя удовлетворенным, чего не достигнуть человеку алчному, завистливому и злому, как бы богат он ни был. Для того, кто одарен выдающимся умом и возвышенным характером, большинство излюбленных массою удовольствий – излишни, даже более – обременительны. <...> Итак, для нашего *счастья* то, что мы *такое*, – *наша личность* – является первым и важнейшим условием, уже потому, что сохраняется всегда и при всех обстоятельствах; к тому же она ...не зависит от превратностей судьбы и не может быть отнята у нас. В этом смысле ценность ее *абсолютна*... Отсюда следует, что человек гораздо менее подвержен внешним влияниям, чем это принято думать. (Там же. С. 14.)

Таким образом, для счастья человеческой жизни самым существенным является то, *что человек имеет в самом себе*. (Там же. С. 17.)

Ничто так не спасает от этих бед, как внутреннее богатство – *богатство духа*: чем выше, совершеннее дух, тем меньше места остается для скуки. Нескончаемый поток мыслей, их вечно новая игра по поводу разнообразных явлений внутреннего [с.24] и внешнего мира, способность и стремление к все новым и новым комбинациям их – все это делает одаренного умом человека... неподдающимся скуке. <...> Человек умный будет прежде всего стремиться избежать всякого горя, добыть спокойствие и досуг; он будет искать тихой, скромной жизни, при которой бы его не трогали, а поэтому, при некотором знакомстве с так называемыми людьми, он остановит свой выбор на замкнутой жизни, а при большом уме – на полном одиночестве. Ведь, *чем больше человек имеет в себе*, тем меньше требуется ему *извне*, тем меньше могут дать ему другие люди. <...> В одиночестве, где каждый предоставлен самому себе, такой человек видит свое *внутреннее содержание*; высокий ум оживляет и населяет своими мыслями самую невзрачную обстановку. (Там же. С. 28-29.)

Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время; человек же талантливый стремится его *использовать*. <...> Если... досуг является, так сказать, венцом человеческого существования, так как только он делает его полным обладателем своего «я», то счастливы те, кто при этом находят в себе *нечто ценное*... <...> Ведь от других, вообще *извне*, нельзя ни в каком отношении ожидать многого. Границы того, *что* один может дать другому, – очень тесны; в конце концов человек всегда останется один, и тут-то и важно, *кто* остался один. (Там же. С 30,31, 32.)

...Человек с избытком духовных сил живет богатой мыслями жизнью, сплошь оживленной, полной значения и смысла. [с.25] Достойные внимания явления интересуют его, если он имеет время им отдалиться; в себе же самом он имеет источник высших наслаждений. <...> Само собою разумеется, благодаря всему этому у такого человека создается новая потребность, потребность учиться, видеть, образовываться, размышлять, совершенствоваться... Богато одаренный человек живет поэтому, наряду со своей личной жизнью, еще второю, а именно *духовною*, постепенно превращающуюся в настоящую его *цель*, причем личная жизнь становится средством к этой цели... (Там же. С.39.)

Самым ценным и существенным должна быть для каждого его *личность*. Чем *полнее* это достигнуто, а следовательно – чем больше источников наслаждения откроет в себе человек, – тем счастливее будет он. <...> Ведь все *внешние* источники счастья и наслаждений по своей природе крайне ненадежны, сомнительны, преходящи, подчинены случаю и могут поэтому *иссякнуть* даже при благоприятнейших условиях... В этом отношении, больше чем в каком-либо ином, важно, что именно мы имеем в себе. <...> В мире вообще немного можно раздобыть: он весь полон нуждою и горем, тех же, кто их избег, подкарауливает на каждом шагу скука. К тому же, по общему правилу власть принадлежит дурному началу, а решающее слово – глупости. Судьба жестока, а люди жалки. В устроенном таким образом мире тот, *кто много имеет в себе*, подобен светлой, веселой, теплой комнате, окруженный тьмою и снегом декабрьской ночи. Поэтому высокая, богатая [с.26] индивидуальность, а в особенности широкий ум, – означают счастливейший удел на земле, как бы мало блеска в нем ни было. <...> Вообще крайне глупо лишать себя чего-либо внутри себя с тем, чтобы выиграть вовне, т.е. жертвовать покоем, досугом и независимостью, – целиком или в большей части – ради блеска, чина, роскоши, почета или чести. (Там же. С. 32-33, 34.) [с.27]

### СЁРЕН КЬЕРКЕГОР (1813 – 1855)

Сёрен Кьеркегор – датский философ и теолог, предтеча философии существования (*экзистенциализм*). Внимание Кьеркегора сосредоточено на проблемах человеческого бытия (*экзистенции*). Кьеркегор выделяет три основных способа существования личности: эстетический, этический и религиозный.

Основные произведения: «Или – или», «Страх и трепет», «Понятие страха», «Болезнь к смерти», «Философские крохи», «Христианские речи», «Дневник 1833-1855 гг.».

### О философии